

Сергей Тараканов

Родился 3 апреля 1952 года в г. Свердловске (сейчас Екатеринбург).

В 1975 году окончил исторический факультет Томского государственного университета.

В Новокузнецк приехал в 1977 году.

Сергей Борисович Тараканов преподавал историю в Кузбасской государственной педагогической академии. Выйдя на пенсию, переехал на постоянное жительство в город Брест (Белоруссия).

С ноября 1987 года С.Б. Тараканов активно участвует в деятельности Новокузнецкого Клуба любителей фантастики «Контакт». Творческое общение с коллегами продолжается по сей день. По инициативе президента клуба Николая Николаевича Калашникова была издана книга, в которой в наиболее полном объёме представлено оригинальное научное исследование С.Б. Тараканова на тему «Китеж в творчестве кузбасских писателей» (издано под «шапкой» Центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя). Всего же по различным аспектам темы «Китеж» у С.Б. Тараканова вышло 9 статей в сибирских научных сборниках.

Н.Н.Калашников любезно предоставил редколлегии нашего альманаха (в электронном виде) вышедшую небольшим тиражом книгу (100 экз.), сразу ставшую раритетом.

Предлагаем читателям несколько глав из этого очень интересного исследования – своеобразного и, как говорится, дающего пищу для размышлений.

Град Сокровенный

(Китеж в творчестве кузбасских поэтов)

В 13-ом веке, во времена монголо-татарского нашествия, русский народ сложил удивительной красоты легенду о граде Китеже. Напомним её...

Захватив город Малый Китеж (*современный Городец*), войска хана Батыея двинулись на Большой Китеж, находившийся на берегу озера Светлояр. Путь его армии остался на земле как «Батыева дорога», но от блеска их копий и мечей остался след и на небе. «Батыевой дорогой» называется в народной астрономии Млечный Путь.

Враги осадили Китеж. Обречённые горожане всю ночь молились о спасении, и произошло чудо: ночью город окутал туман, а когда рассвело, то его не оказалось на месте – он ушёл на дно озера Светлояр или, по другой версии, под окружающие город холмы.

Китеж стал невидим и будет таким до Страшного суда, но до сих пор звучат его колокола, а в тихую погоду можно увидеть на дне озера золотые купола его церквей...

В праздники, особенно в ночь на 23 июня, на берегу озера собирались тысячи паломников, был обычай ставить на дощечки зажжённые свечи и пускать их по воде – они для невидимых церквей града Китежа. Тысячи плывущих по озеру дощечек с горящими свечами – какое было дивное зрелище! Мистерия Светлояра поражала видевших её. Не случайно в начале

ЭССЕ - ИССЛЕДОВАНИЕ

20-го века настоящее паломничество туда русских писателей, здесь побывали Короленко, Пришвин, Мережковский и другие... Легенда нашла отражение в творчестве русских художников, поэтов, музыкантов. Можно вспомнить оперу Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже и деве Февронии».

Учёные связывают окончательное сложение легенды к началу 18 века, когда ранее проведённая безумная реформа патриарха Никона разрушила единую Россию. Раскол разделил народ на две части: официальную православную и старообрядческую «невидимую»... Но дробление продолжалось и позднее. В 18 веке появилась дворянская культура, и можно было видеть забавное зрелище: в деревню приехал барин из столицы в иноземном платье, со шпагой, говорящий по-французски – и крестьяне в народных одеждах, выполняющие магические обряды древности... И всё это – Россия!

Позднее добавились сюда атеистическая культура интеллигенции и массовая культура городов. В науке они называются субкультурами и, в общем, присущи всем христианским народам. Но нигде больше нет такого разрыва, как в России, где люди говорят, в сущности, на разных языках, а думают, что на одном.

Сейчас у нас опять разные миры, теперь не то что невидимые, а как бы незамечаемые. Есть религиозный мир. Есть мир современной массовой культуры, его ещё можно назвать бесовским по своим целям и результатам. Есть мир подлинной культуры: мир учёных, писателей, поэтов, художников, музыкантов и тех, кто с этим миром связан. Понятно, что последний – разный, есть и те, кто, так сказать, продал первородство за чечевичную похлёбку...

Легенда о граде Китеже не случайно стала символом русской цивилизации. Она не погибает, а как бы уходит в глубину, как было во времена чуждых России монархов, так и в советский период. И обращение к легенде тоже имеет свою интересную периодичность. Например, она вернулась, после значительного перерыва, в 60-е годы в творчестве такого замечательного поэта, как Юрий Кузнецов, в картинах Ильи Глазунова и т.д. И переживает новый культурный взрыв сейчас.

Любопытна география легенды. Чаще всего к ней обращаются поэты Поволжья, особенно Нижнего. Естественно – это её родина... Часто пишут о Китеже поэты русского Севера, так как и там есть подобные легенды и колокольный звон невидимых городов, да и в самой китежской легенде есть северные корни.

Редко писали о Китеже на Дальнем Востоке, Урале, Алтае. Последнее не совсем понятно, ведь рядом было великое Беловодье – так сказать, земной «китежский» вариант...

И вдруг мне, автору предлагаемого здесь вашему вниманию исследования, повезло: к своему немалому удивлению, обнаружил что этот мотив есть у ряда крупных поэтов Кузбасса. Отмечу это странное и необычное явление: все ведущие поэты Кузбасса, пусть и по-разному, отозвались на древнюю легенду – и объяснения подобного феномена у меня нет... Прямо мистика какая-то!

Валерий Зубарев вошёл в литературу сборником 1970-го года «Говорил со мной ветер» с предисловием Игоря Киселёва. Автор предисловия отметил, что биографию поэта можно безошибочно угадать по его стихам – деревенское детство «наградил его пристальной и нежной любовью к природе».

**Говорил со мною ветер
на прозрачном языке.**

**Был он грустен, был он светел,
и дождинка на щеке...**

Всё приходило к нему в свой срок – и студенческие выезды на уборку урожая, и первая любовь, и первые заработанные деньги, и, наконец, служба в армии. И обо всём этом Валерий достоверительно рассказывал в своих стихах – иногда с улыбкой, иногда с лёгкой и вполне понятной грустью»...

Историческая тема для поэта в начале его творчества не характерна. Но свою «Вышку времени...» (стихотворение «Ополченец») поэт будет и позднее перепечатывать в последующих сборниках.

Приведу его:

**Вышка времени. Степь веков.
Кто там движется валкой рысью?
Надвигается стук подков...
Вот он – средневековый рыцарь.
С головы и до пят броня,
Механическая осанка.
Взгромождён на бронеконя
прототип тяжёлого танка.
Содрогается конь под ним,
а у росса – Русь под ногами...
Ненавистен! Неузвим!
Неприступен! Недосыгаем!
Но споткнётся железный конь,
рыцарь наземь с размаху рухнет.
Понимаю ярость, с какой
топором его хряпал русич.
Запоясан едва-едва,
задыхался от возмущенья...
Холодало, колол дрова,
тут и кликнули в ополченье.**

Врага, понятное дело, – надо «хряпать» нашим народным универсальным инструментом (*позднее Чернышевский будет звать Русь к топору*), но, любопытно – а что, если бы конь не споткнулся?.. Кто тогда бы победил? Или конь втайне на стороне русского народа и споткнулся не случайно? Вопросы...

Промелькнёт в сборнике и память предков в стихотворении «Тополь»:

**Корчеванный род, да не жидкий,
и сгинул бы, да – никак.
Здесь кол тополёвый прижился,
там корни пустил сибиряк.
Я слушаю листьев ропот
и слышу хорошую весть:
– Идёт от единого рода
моя и чалдонская ветвь.
Не это ль постигнуть силясь,
темны до поры и дики,
на тополь зело молились
раскольники-кержаки?**

Поспорим с поэтом... В народе говорили когда-то так: «В берёзовом лесу – веселиться; в сосновом лесу – молиться; в осиновом – удавиться»... Тополь же и осина – родня близкая... А происхождение чалдонского рода должно быть всё-таки от берёзы – так называемая «легенда о белом чуде», когда появились в Сибири первые берёзы как предвестие прихода нового народа... Впрочем, подобное сравнение ведь не могло прийти случайно? Привёл же я оба стиха, потому что позднее закономерно появится и мой Китеж...

В первых его сборниках поэт не касается религиозного мира. Вероятно, не было в этом внутренней потребности. Благополучное, в общем, было время, а тревожные признаки будущего виделись немногими...

В «Мыслящем огне» появятся мотивы фольклорные – например, как вариация известного стихотворения Юрия Кузнецова о принесённой напрасно в жертву царевне-лягушке, но более жестоко, так как студент-медик режет её со словами: «Ну, царевна!» («Змей Горыныч»). Жестокость не случайна: она порождена так называемым «социалистическим гуманизмом», существовавшим как антитеза гуманизму западному, «абстрактному».

Впрочем, речь не идёт о неких претензиях поэту, жившему, если так можно выразиться, тогдашней жизнью. Тем более, что была написана поэтом и «Чалдонская быль» о человеке-звере, пусть и принявшем, «весь светясь, свободу новую и власть»:

**...И даже то, что эту власть
оберегал от всех нападков
и, говорят, не в бровь, а в глаз
стрелял он «белых куропаток»...**

Поэт не прощает его, искалечившего бабу Клаву:

**... Тогда умели женщин бить.
Он был и в этом самым лютым...
Не зря, чтоб вовсе не убить,
он бил её, накрыв тулупом...**

Думаю, что и при новой власти Митрофан продолжал своё битие страшное. Только новая власть ему ещё и убивать разрешила... А отмечаю это потому, что время для осмысления нашего прошлого ещё тогда не пришло.

Но вот сборник поэта 1988 года «Час пик», в котором появятся и горькие «Уроки истории»:

**Нас публично учили не врать
вы, которые искренне ввали.
Нас учили не воровать
вы, которые воровали.
Вы учили б другому – увь!..
Хоть другого хотелось до крика,
против правды и совести вы
выступать не решались открыто.
Но, себя же связав по рукам,
перед нами не зря выступали,
если в нас к лицемерным речам
отвращение воспитали.**

А вот его прямо пророческое стихотворение «В новом...»:

**В новом старых немало примет...
Вот покорный безропотный смерд,
вот напыщенный думный боярин,
вот лукавый ордынский татарин.
Смерд текущее дело пошлет,
авторучкой боярин помашет,
чуть устало бумажку подпишет,**

**а татарин на подпись подышит.
Им привычны затишья и грозы,
совнаркомы и совнархозы,
наши слёзы**

**и новые грёзы...
и бескровные метаморфозы:
смерд текущее дело пошлет,
авторучкой татарин помашет,
чуть устало бумажку подпишет,
а боярин на подпись подышит.**

**Важно пыжится бывший татарин,
и лукавит недавний боярин,
и покорен безропотный смерд...
В старом**

новых не много примет.

Увы, в новом примет старого оказалось в последующие годы ещё больше! Что ни губернатор, за редким исключением, – это воевода, выехавший на кормление. И становящийся очень богатым человеком без каких-либо угрызений совести... Чиновники, как в каком-нибудь 17 веке, – живущие взятками и их вымогающие...

Только вот метаморфозы оказались не бескровными, а очень даже кровавыми. Но кто это мог тогда предвидеть?

Новое зло пришло в Россию. И оно невидимо... И в сборнике «Другое «Я»» поэт обратился к проклятым русским вопросам, как в стихотворении «Ворон»:

**Не архилитературный,
вполне натуральный на вид,
из прошлого
ворон сутулый
за мной неотступно следит.**

**На дне неподвластной пучины,
томясь в летаргическом сне,
натужно прапамять мужчины
ворочается во мне.
Я видел в минуты крутые
пернатое это пятно.
Для гибнущих
небо России
навек затмевало оно...**

**Чернейшей из аллегорий
до этого что за дела?.. –
Рвёт ворон силки категорий
Добра сопредельных и зла.
И вновь неподсуден. И вот он... –
прорвал наслоения времён.
Глаза закрываю – ворон.
Глаза открываю – он.**

**Лучистое небо синее.
Но тело его в вышине
осколочно воронее,
прапамять тревожа во мне.**

**Он груно на грудь не слетает.
Не застит он небо страны...
И всё же в глазах не хватает
кусочка голубизны.**

... ..

**Не петухи нас будят, а вороны.
Но каркают они не похоронно.
Живу почти на высоте Стожар –
в высотном доме... А внизу базар.
Его вороны пробуждают тоже... –
Продрал глаза, крутые сны итожа,
и кормит их... и радуется, люто,
что человечье тело не клюют.**

Что же произошло со страной и кто говорит от её имени?

**У заповедного моста
Господь вас поразил в уста.
Замкнул плотиной вашу грязь,
чтоб в вас же
ваша грязь лилась.
Чтоб в души не лომились вы,
чтоб словом подавились вы.**

**Но дьявол вам отверз уста
у несожжённого моста
И между Богом и людьми
по снам,
по дружбе,
по любви,
не отражая облака,
дымится адская река.**

**И не дотла сожжённый мозг
над ней – как обгорелый мост.**

Мы добрались медленно и верно до последнего сборника поэта «Зеркало Бога».

«Стремление заглянуть в зеркало Бога недолимо. А если и греховно, то и грех этот прекрасен. И влечёт к нему первородное любопытство. Не зря наш Великий Поэт отсутствие любопытства считал пороком», – пишет в начале сборника автор. – Ведь оно помогает увидеть своё несовершенство, вызывает желание лучше устроить обитель благодатного духа – человеческую душу... Через взлёты и падения, через напряжение всех органов чувств, в которых мир проявляется красками, звуками, запахами, вкусовыми и осязательными ощущениями, рождается шестое чувство. И если оно вызывает боль, пусть мужества придаст мысль другого великого русского классика о том, что будь эта боль единственным во Вселенной ощущением, оно показывает, что ты жив для творчества и любви...».

Мысли для меня слегка запутанные. В теле обитель духа, а в духе душа? Матрёшка тройная... Хотя с духом сложно в христианстве, и

он был «потерян» к 10 веку, но почему стремление «заглянуть в зеркало Бога» может быть греховно? Да это прямая обязанность христианина, – если говорить, например, о самопознании...

Но, как я понимаю, зеркало это – и природа, и культура. И тогда через них, как и через моральное совершенство можно и пытаться стать образом и подобием Бога... Тем более, что есть у поэта и стихотворение «Триптих шестого чувства», – идущее, возможно, от Н. Гумилёва...

Само же обращение к религии Валерия Зубарева не случайно, как и других наших поэтов – Александра Ибрагимова, Сергея Донбая, Любови Никоновой и других... Православие есть некая духовная опора народа, да и сами основы нашей жизни православные, если понимать его предельно широко – как картину мира с её пространственно-временным делением, моралью, духовными ценностями и так далее. Личное же отношение к вере может быть разным.

Но вернёмся к сборнику. Тут мы встретим и объяснение подобного обращения:

**Жил я, как все, греша,
телом я был весь.
Но заболела душа...
Понял: она есть!**

Не верю поэту. Не был он никогда «телом весь», – иначе не писал бы стихи... «Чтоб душа моя тоже взлетела», – мечтал поэт ещё в сборнике 1974 года.

Тем более, что и нет, наверно, безбожников, а есть неумение вслушаться в себя:

**Рисуешься тем, что безбожник,
а сам, неподвластно уму,
выходишь под ласковый дождик
и радуешься ему.
И к небу лицо поднимаешь,
и слышишь внутри голоса...
Но внутренне не понимаешь,
что благодаришь небеса.**

К слову замечу: впрочем, рисоваться можно и тем, что считаешь себя «божником», обманывая себя, о чём говорит «Покаянный верлибр» поэта:

**Мы пока лишь болтаем
о стремлении к соперничеству...
Мы не то, что на Деву Марию –
даже на Магдалину
не гянем...
Ни тем более – на Христа...
Ни на трижды отрекшегося
Апостола... И даже на Иуду...
Потому что предавали
не один раз...
И даже в мыслях
ни разу не повесились.**

Мне кажется, что христианский мир ещё недавно был для него чужим, и отсюда не совсем удачные обороты речи, например, слово «соперничество». Верующий человек сказал бы о «подражании»... Зря он «обидел» и Марию Магдалину, исходя из некоей мифологической традиции. Да, замечу, и о мыслях других людей может знать только Бог... Может, и «вешались» мысленно современные носители зла. Кстати, в психологии есть такой парадокс: когда возможное раскаяние преодолевается новым злом. Отсюда, возможно, и бесовщина современной России...

Сам поэт, впрочем, сочувствует всем:

**Полудерево, полусталь –
вся страна моя
гризна страдающих.
И почти одинаково жаль
и убитых...**

и убивающих.

**Завтра видится через вчера:
их тела, молодые и цельные,
разорвутся от криков «кура»,
превращаясь в идеи бестельные.**

О чём это? Грядущая война? Или новое возвращение какой-нибудь идейной диктатуры, отменяющей, как известно, не только личность, но и право на собственное тело?

Всё возможно, спросить же лично поэта нет возможности...

Вот высказанная им горькая истина:

**Подарил приметы мудрый век
Франции – как душу красоты,
а России – словно дух пустыни:
только там не чахнет человек,
где не вырождаются цветы,
где не вырождаются святые.**

В другом стихотворении поэт категорически утверждает:

**Щедра у народов фантазия.
Мечты у народов простые:
два лёгких – Европа и Азия,
единое сердце – Россия.**

Вот с этим как раз можно поспорить. Есть, конечно, традиционное русское мессианство и, мне кажется, связанный с ним самообман. Но есть и печальная теория о том, что Россия – некий провал в истории. Само же наше существование есть некая инерция исторического развития... Да и живём мы, – не будем хоть себя обманывать, – как сырьевой придаток этих миров... Раньше Запада, а сейчас и Востока!

Хотя есть у поэта и надежда. Вот мы, наконец, подошли к невидимому граду:

**Бурлящая страна,
не ты мечту похитишь,
что вот... всплывёт со dna
не субкультура – Китеж.**

**Я выстрадал давно
под песни воровские:
не надо путать дно
и глубину России.**

Может, поэт и прав, и невидимая Россия более значима, чем кажется на первый взгляд. Но где она? Дно страны как-то бросается в глаза. А есть ли эта глубинная Россия?

Выскажу своё мнение – это не погибающая русская деревня. Не крупные города, особенно столицы, как мудро писал когда-то Рильке:

**Господь! Большие города
Обречены небесным карам!
Куда бежать перед пожаром?
Разрушенный одним ударом,
Исчезнет город навсегда.**

Не является таким Китежем и мой родной Новокузнецк... Но наши провинциальные города сюда можно отнести. Какое чудо, к примеру, город Бийск, где мне удалось побывать. Такой светлый патриархальный и домашний мир... И тогда, вероятно, лучший вариант жизни этой глубинной России – жить, не замечая новых бесов, находя смысл жизни хотя бы в семье, что не так уж мало... Как в стихотворении поэта «Алёнушка»:

**Есть у меня Алёнушка,
есть у меня Егорушка.
Тренькает жаворонушко
и подпеваает скворушко.**

**Светлая лебедь жёнушка
всё-то гнездо латает.
Ловит улыбкой солнышко,
в тихих мечтах летает.**

**Есть ли ещё сторонушка,
где хорошо бывает...
Тренькает жаворонушко,
скворушко подпеваает.**

Замечу, что хотя кузбасская поэзия очень молода (ей примерно пятьдесят лет), но уже появилась и своя классика.

Таким «классическим» поэтом является и Сергей Лаврентьевич Донбай.

Я не буду давать подробный очерк его творчества: о классиках всегда и везде пишут много! Поэтому полностью пропущу его ранние стихи и возьму лишь несколько сборников последних лет. Отмечу только, что для него больше, чем для других поэтов края, характерно обращение к тому, что называют культурной памятью.

Назову, к примеру, редкие для Сибири «Воспоминания об Элладе», стихотворение «Костёл Анны в Вильнюсе»:

**Молочные реки и с неба манна
Не пошатнули земных основ.
Встретилась церковь «Святая Анна» –
Ах, глаза! – продолжение снов.**

Кому-то приснилась такая радость
В средневековой родной глуши.
Вот и живём, этой радостью ранясь, –
Ай да сон! – продолженье души.
Душой или той же рукой, что гладил
Ночью, когда называл своей,
Встал поутру и любя изладил –
Аве! – доченьку всех церквей.
Над нею, конечно,
присмотр всегдашний
С неба... но так облака спешат –
Кажется, падают, падают башни...
Ой, – уронишь! – нельзя дышать.

Есть стихи, посвящённые Н.К. Рериху, Марине Цветаевой, своеобразная и интересная философская поэзия, например, «Баллада о быстром и медленном времени», посвящённая Александру Ибрагимову:

Сядешь в троллейбус на две остановки –
День, как одна остановка, мелькнёт.
Только успеешь прочесть заголовки...
Быстрое, быстрое время идёт.

Как в наказанье повысили в чине
Или сослали путёвкой на юг,
Словно без очереди в магазине
Быстрое, быстрое время дают.

То ли от радости, то ли от боли:
Сбили?.. Забили?.. – качнув небосвод,
Горлом трибун, как турбин, на футболе
Быстрое, быстрое время орёт!..

По мановенью крылатого ЯКа
Горный Алтай обступил меня вдруг,
От удивленья и для объятъя
Медленно руки разводит мой друг.

Улицу всю заслоняя боками,
Сено везли. «Берегитесь, внизу!» –
Крикнул возница. Казалось, стогами
Медленно, медленно время везут.

В жизни другой,
может, был конокрадом? –
Тайную радость мне взгляд принесёт:
Двух лошадей на поскотине рядом
Медленно, медленно время пасёт.

Осень копается на огороде.
Топится баня. Сгущается мёд.
И целый день, как по горной дороге,
Медленно, медленно время идёт.

...Всё же прошло и оно – улетаю!
ЯК незаметно пространство торит.
Снег на вершинах Алтая не тает.
Быстрое медленно время торит.

Если в Кемерово время быстрое, то какво несчастным москвичам! Там оно летит со скоростью курьерского поезда. Наука же философия подтверждает, что времён действительно существует много – биологическое, физическое, психологическое – и последнее замедляется в отрыве от цивилизации. И многим это невыносимо, ещё Александр Блок об этом писал...

Само же посвящение не случайно – эти два поэта для меня близки по, назовём так условно, определённой направленности... Не путать с особенностями поэтического творчества...

Юмор в поэзии – явление не частое, хотя и встречается. Есть такие стихи и у С. Донбая, например, «Эмансипация»:

Встала жена, да не с правой ноги,
И расходилась в хозяйском пылу:
Скатерть одёрнет – графин вдре-без-ги!
Простынь одёрнет – мужик на полу!

Встанет мужик. И не спорит, не ноет.
Молча стекло за собой подметёт.
После – «жену на скаку остановит»...
Словом, «в горящую избу войдёт»...

Во времена Некрасова лучше было...

У меня сложилось ощущение, что для кемеровчан характерен местный патриотизм... Особая любовь к своему городу, что для Сибири, – за некоторым исключением, – явление редкое. Вот и у Сергея Донбая есть небольшой сборник стихов, посвящённых родному городу – «Мы нарисуем город словом». Приведу только одно – «Утренний снегопад»:

Тихий-тихий, удивительный
Этим утром снегопад.
Непроснувшихся родителей
Мальши ведут в детсад.

Всё как будто нарисовано.
Ты и сам шагнул в этуод.
Тонны снега невесомого
Рядом в воздухе живут.
За домами белобровыми
Звуки спрятались совсем.
Тишина лежит сугробами,
Как верблюды возле стен.

Понимаю: звук не видно ведь...
Снегопад – не услышать...
Только странно слово вымолвить,
Чтоб себя не испугать.

Как и многих поэтов, его не обмануло начало нашей Перестройки и поражает точность названия его сборника 1991 года – «Смута». И очень любопытно следующее стихотворение.

**Кости, холм могильный ли –
Не нашла хозяйка.
Канули, как сгнули,
Лишь в народе байка.
Русская дорога,
То мороз, то жарко.
Мужиков-то много...
А лошадку жалко.**

Отмечу, что дорога – тоже один из символов нашей культуры. Ведущая уже давно в никуда, хотя и неслась когда-то Русь в тройке Гоголя...

За последние годы идёт какая-то вакханалия, связанная со Второй мировой войной, и даже наш бывший президент извинялся за неё перед Европой... Бред какой-то. Не поймёшь, то ли смеяться, то ли плакать... И, насколько я понял из средств информации, нашу делегацию даже не пригласили во Францию, когда отмечалась годовщина высадки союзников в Нормандии.

Молчать об этом нельзя, особенно поэту, и Сергей Донбай, ранее не писавший подобных стихов, откликнулся «Вторым фронтом»:

**Когда мы под самой Москвой
За землю свою погибали,
Тогда вы нам тем, что второй
Откроете фронт, помогали...**

**Мы сами в Европу вошли.
Мы смерть за неё принимали.
Вы всё ещё были в дали.
Вы всё ещё нам обещали.**

**Когда же мы кровью своей
Досыта войну напоили,
Вы фронт свой открыли скорей –
Как будто на праздник спешили!**

**Тепло ли вам было вдали,
Когда на правах чемпионства
Вы сразу два солнца зажгли
В Стране восходящего солнца?**

**Раздвинул расчёт горизонт:
Вы в звёздах окопы отрыли...
Когда-то открыли вы фронт –
Закрыть до сих пор забыли.**

И последнее. Поэт по образованию архитектор, отсюда часто встречаемые в его стихах образы архитектуры. Я уже приводил стихотворение о соборе святой Анны в Вильнюсе, есть и другие. В том числе и самое нам нужное – «Ангелы Петербурга» с нашим Китежем:

**Фёдор Михалыч в картишки
Всё, да не всё проиграл.**

**Чайка сидит на крыше –
Это тебе князь Мышкин
Душу-привет послал.**

**Город событием дышит:
Снова «Зенит» сыграл,
Как Достоевский выше.
Ангел на телевышке,
Видимо, прозевал.**

**Тянет клешни на Невский
Храм, как огромный краб.
Копит Неве-невестке
Весь антикварно-веский
Санкт-Петербургский свой скарб.**

**А за проспектом Невским
Александрейский столп
Зимнему крестит лоб –
Ангелам поднебесным
Больше общаться не с кем.**

**От колокольных спицей –
От золочёных шпаг
Солнца глаза слепили,
В колокола не били –
Небо звенит в ушах.**

**Мирно, при полном штиле
Видит седой Кронштадт
Те золочёные спицы –
Вроде бы и не пили
Крови на брудершафт...**

**Ты приглядишься, увидишь,
Ангел крылом ведёт –
Это же тот же Китеж,
Каменный русский Китеж –
Град среди невских вод.**

Ангел, а вдруг зевнёт?..

Что означает возможный зевок ангела? Гибель города, уход его под воду, как пророчили враги Петра ещё в 18 веке? «Петербургу быть пусту», – прокляла город опальная царица Евдокия... Не будем гадать, тем более в одном своём стихотворении поэт предупредил возможные последствия таких гаданий:

**Если увеличить дерево,
То дом, стоящий рядом,
Станет меньше.
Если увеличить дом,
То в нём будет жить
Больше людей.**

**Если увеличить муху,
То, как известно,
Может получиться слон.**

Что в ответ? Не продам? Это ясно.

**Не торгуйся, торговец, напрасно
и дорогой своею иди.**

**Объяснить мою волю несложно:
отделить этот крест невозможно –
врос он в грудь, растворился в груди!**

**А оттуда – отнюдь не наружу –
он пророс уже в самую душу.**

И попробуй его оторви!

**Не прожить на земле этой смутной
без богатств нищеты абсолютной,
без сокровищ Христовой любви!**

Снова Китеж появляется в книге «Мир благословенный». Большая часть книги посвящена природе и воспоминаниям детства, с ней связанными. Своего рода лирическая проза... Это Поволжье, деревня Владимировка в завожской степи. Там, кстати, был и православный храм, единственный на огромном пространстве, и память о нём врезалась в особое детское сознание. В детстве мы в раю...

**...И там, в той местности далёкой,
в том незапамятном краю
простое озеро с осокой
играет скромно роль свою.
В том озере элементарно,
со взрослой рыбкой заодно,
парит, причастный общим тайнам,
малёк с пшеничное зерно.**

Впрочем, во Владимировке давно нет и этого неприятного озера. Пересохли здесь все озёра, покрылись степными травами и стали обыкновенными пастбищами. Можно сказать, что владимирские стада пасутся на дне озёр...

И всё-таки озёра не исчезли бесследно.

Мы не знаем, куда ушли их карпы и караси в золотой и серебряной чешуе: может быть, по подземным водоёмам они перекочевали в озёра других краёв; или не успели уйти и окаменели и теперь попадают нам в виде распространённых космических камешков. Но где-то в мире они всё-таки есть.

Мы многого не знаем.

Однако от озёр остались легенды о провалившихся под воду селениях и сказания о кладах.

Осталось понятие «Чёртовы озёра». Остались сказки о странных обитателях озёр – загадочных чудовищах – не то змеях, не то черепахах причудливого обличья. Их местная слава несравнима с фантастической популярностью знаменитой Несси, и всё-таки безвестная водяная кикимора из давнишнего владимирского озера нам ближе, нежели загадочная суперзвезда – монстр из Лох-Несс, избалованная вниманием газет и телевидения.

Замечу, что и Светлояр считается соединённым с Волгой, да и чудовища там временами видят...

Так что мотив Китежа в творчестве Любови Никоновой не случаен, а в очерке «Вагон-церковь» мы читаем такие строки:

«Наследие православной цивилизации, с которой так круто обошёлся 20-й век, часто сравнивают с затонувшим градом Китежем. Погибло не всё. Скорее, произошло как бы таинственное погружение православного царства в некую особую среду, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

...Церковь на колёсах обслуживала прихожан Сибирской железной дороги, имела свои Царские врата, иконостас, другие иконы и утварь. Она сгинула в огне революции, разделив трагическую участь Великой княжны, в честь которой была построена, – так хоть словесный её образ должен быть донесён до новых поколений»...

Любовь Алексеевна, мне кажется, единственная поэтесса края с такой ярко выраженной православной направленностью, хотя, естественно, у неё есть и другие стихи.

В сборнике «Свет неотступный» представлены «Лики Родины в стихах и фотографиях», и на одной из страниц, мне кажется, есть прекрасная фотография озера детства, о котором ранее говорилось, со следующим стихотворением:

**Здравствуй, облачко белое, здравствуй!
Видишь, дышит тобой озеро
И в тени твоей снежно-прекрасной
Утомлённое прячет лицо...
Наслаждаясь коротким свиданьем,
Отраженьем твоим завладев,
Повторяет пред всем мирозданьем
Свой наивный любовный напев:
«Этой радости я не скрываю,
Мыслей трепетных я не таю –
И слезами любви омываю
Лебединую душу твою...»**

Как я уже отмечал, в детстве мы в раю, и не случайно взросление иногда сравнивают с потерей этого рая и желанием туда вернуться, пусть мысленно и на мгновения. И оживает ушедший чудесный мир в местах этого детства. Так и у Любови Алексеевны в данном сборнике. Поэтому я позволю себе привести ещё пару стихотворений из него.

**В моих любимых даях милых,
Где вижу птиц я сизокрылых,
Где взгляд мой осторожно-чутко
К восторгам нежных незабудок,
Там, только там душа живая
Находит первообраз рая,**

**И только там она согрета
Лучами ангельского света.**

**Но почему должна оттуда
Я унести святое чудо
И тратить этот дар доныне,
Чтоб просто выжить на чужбине?**

**Мой ангел, сколько лет и чисел
Я отдаю твоей волжский бисер
В холодные чужие руки...
Неужто нет конца разлуке?
И отвечает Ангел Света:
«Тебя пусть не заботит это,
Хотя и нет судьбы больше, –
Ведь Богу всё-таки виднее».**

**Но вновь и вновь стремятся взоры
Пройти сквозь дали и просторы,
Чтоб там, в краях любимых, милых,
Увидеть птичек сизокрылых...**

Мне здесь вспомнилась Синяя Птица счастья Мориса Метерлинка, приходящая к нам во снах и местах детства. И известное стихотворение Фёдора Ивановича Тютчева:

**О бедный призрак,
немогущий и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах –
Как брат меньшей,
умерший в пеленах...**

Тютчев не принимает этот потерянный рай. И не он один. Тогда ещё тяжелее становится в мире настоящего, так же, как многие люди избегают встречаться со своими сверстниками – бывшими одноклассниками, однокурсниками. «Как на кладбище сходил», – мрачно констатировал подобные встречи один мой знакомый. И в этом есть доля истины...

Л.А. Никонову подобная встреча не пугает. Может, подобное обращение связано с христианской верой и словами Христа: «Если не станете как дети, – не войдете в Царствие Небесное».

А вот прекрасное стихотворение на близкую тему:

**Сердце ловит намёки на чудо.
И сознанья касается зов,
Приходящий почти ниоткуда,
Уходящий в глубины миров.**

**Или это в серебряной неге
Изливают волнующий свет
Камни, вечно живущие в небе,
За грядой нерастратченных лет?**

**Или это мелодия только? –
В незапамятном отчем краю
Летней ночью свистит перепёлка:
«Фить-пирю, фить-пирю, фить-пирю...»**

**Или память, собравшись в комочек,
Смутно слышит, как где-то вдали
«Однозвучно гремит колокольчик»
Над равнинами Русской земли?..**

Всё-таки приведу ещё одно стихотворение – «Дорога в монастырь», напомнившее мне «Батыеву дорогу» на пути к святому граду, который уже близок:

**Молитвенная логика дороги:
Мы входим в неземную даль и ширь.
Напомята странникам о Боге,
Белеет чуть заметный монастырь.
Смиренно и доверчиво, как дети,
Глядим в прозрачный световой объём.
К нам скоро прикоснётся Тихий Свете
Святым необжигающим огнём.**

**Мы долго шли. Одежда изнасилась,
И лица ненароком отцвели,
И молодость, и зрелость растворилась
В дорожной нескончаемой пыли.
Но как легко нам дышится сегодня
Здесь, от сует, от шума вдалеке...
И ласка милосердная Господня
До нас доходит в тихом ветерке...**

Что тут скажешь?.. Блажен, кто верует, тепло ему на свете...

Я не ставил задачу дать полную оценку нашей местной поэзии и пропустил, например, любовную лирику. Не сомневаюсь, что список мой можно продолжить, остались в стороне ещё неизвестные пока авторы-«китежане». Возможно, в этом обзоре приведено довольно много понравившихся мне стихотворений, но хотелось напомнить об их существовании. Ибо забвение даже хороших произведений – жестокий закон литературы...

**Сергей Тараканов,
историк,
литературовед.**

